

НОВЫЕ ИМЕНА • 43

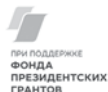
Александр Лошкарёв

АККОРДЫ ТРАМФАЙНЫЕ

Стихи

Оренбург, 2020

Эта книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей „Мы выросли в России“» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов,

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
Л 81

Александр Лошкарев. Аккорды трамвайные. Стихотворения. — Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020. — 44 с.

© Александр Лошкарев, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

Пока еще трамваи живы,
мне кажется, и я живу
не тощей справкой из архива,
а наяву.

Стук металлического сердца
вновь одурманивает сном,
и катится вагон по детству,
где я в окно
смотрю у мамы на коленях,
и жизнь проста, как дважды два,
а город полон удивленья
и волшебства...

Вези. Я памятью укроюсь,
пробив по карточке билет
туда, где самый близкий голос
и только свет...
...Фонарный по глазам. Разбужен,
сойду в бесснежье декабря.

Александр ЛОШКАРЕВ

Толкутся несколько пьянчужек
у фонаря.
Чего там?
«Выпить...
Сделай милость...»
Какой-то бред про Новый год...

Нет мелочи, и детство скрылось
за поворот.

* * *

Хожу домой сквозь двор больничный,
где курят мужики в тени.
Настолько этот вид привычен,
что я давно сроднился с ним.
Ведь вычеркни заборчик грязный,
скамейки, окрики врачей,
и я останусь — несуразный,
осиротевший и — ничей...

* * *

Дождя музыкальные пальцы
с утра на оконном клавире.
Замри, ошарашенно пясься,
как будто такое впервые.
Как будто мелодия эта
окрест созывает прощенных —
проход на ковчег без билета,
ждет Ной у подъезда хрущевки,
неспешно дымя беломором,
глаза протирая спросонок...
И что-то про волны и море
звучит с этажа из колонок.

* * *

В переулках рабочей окраины,
где легко напороться на нож,
исцеляешься грезой о рае и
даже счастья какого-то ждешь.
Из семьи в добровольном изгнании,
от скандалов до жути устав,
все слоняешься, как на задании,
мимо разных орущих орав.
Допиваешь бухло на скамеечке,
ожидая привычно патруль.
Эх, собрать бы рубли да копеечки
и приехать к святому Петру.
Пропустить по стакану, как водится,
да про баб разговор поддержать.
Вот тогда все у нас распогодится...

— Вот мои документы, сержант.

* * *

Помню, в детстве, в моем замкадье,
в общежитиях и заброшках
постигалось: не все мы — братья,
ни по разуму, ни по роже.
Первым бей. Начинай с начала —
понималось довольно просто.
И звучало, не прекращаясь,
эхо канувших девяностых.

* * *

По дворам, там, где скрипы качельные,
на веревках чужое белье,
прохожу в неизбежном смятении,
словно счастье оставил свое.
Было время с портвейном на лавочках,
с синяками и с кровью — прошло.
Почему же нам — девочкам, мальчикам —
было так бесконечно светло?
Почему же сейчас мне не верится
ни в людей, ни тем паче в богов?
Так на длинных прокуренных лестницах
гаснет гулкое эхо шагов.
Так душа перевозданность молчания
постигает в житейской борьбе.
Мы явились на землю случайные
и умрем — каждый сам по себе.

* * *

Никого в раздразе не виня,
(сам живешь — сам платишь,
хоть ты тресни),

я не жизнь делами заполнял —
заполнял историю болезни.
Ничего не назову плохим,
будет день, а значит, будет пища.
И плевать, что у меня — стихи
да скитанья по чужим жилищам.
Не с того ли жалостливо так
на меня со вздохами глядели:
дескать, в жизнь не годен ни черта,
не жилец на свете в самом деле.

...Мне сегодня вспомнилось о том.
Вечер тянет холодом, пророчит:
впереди ждет осень — желтый дом,
где душа прописана бессрочно.

* * *

В предзимье ночи тягостно пусты
и тишина шатается бульварами.
Рассеянное золото фонарное
не возвратит осенней красоты
деревьям, что озябли за окном
и снега ждут, как забытья короткого...
Уйти во тьму затопленными лодками
и не жалеть, не думать ни о ком.

* * *

Дурная пора межсезонья...
Живя на пороге зимы,
неволью находишь резоны
выпрашивать снова займы
у бога в любой ипостаси
(где истинный — сам разберись!),
ничтожную горсточку счастья —
украсить продрогшую жизнь.
Согреться не водкой, но лаской,
любить — чтоб до смерти вдвоем...
Однажды сбываются сказки,
хотя они, знаешь, вранье.

* * *

Снег сир и сер, но небо в цвет ему.
Так оттепель роднит и примиряет
грехи и святость. Видно, потому
мне кажется, что здесь не хуже рая.
А если так — все, значит, хорошо,
и ни к чему разыскивать где лучше.
И тело примиряется с душой,
и дышится спокойнее и глубже.

* * *

А небо застелено белым бельем,
как койки в больнице.
Соседи вздыхают о чем-то своем
со скукой на лицах.
Но ангел в курилке — спокоен и строг
без фальши и грусти —
сказал: карантин отмотаешь, браток,
и к саду допустим.

* * *

Остывая, смиряясь, взрослея,
привыкаешь к тому, черт возьми,
что великая наша Рассея
состоит из мышинной возни.
Слишком мелочны наши печали,
потому всюду схож неуют,
и хоть в Липецке, хоть в Забайкалье
одинаково плачут и ждут.
В тамбур прешься спросонья, лохматый.
Закурить... Да не куришь давно.
Все не так — будто в песне, ребята,
и, качаясь, глядишь за окно.
Где-то в небе туманно-белесом
одинокая птица кружит,
и стихи подступают, как слезы,
прямо к горлу усталой души.

* * *

В какие ни ткнешься ворота,
куда ни направишь коня,
все чудится: ждет меня кто-то
на склоне продрогшего дня.
Над темной прогалиной ночи
зажжен для меня бледный свет.
И нет на земле одиночеств,
ненужности нет.

* * *

Выйдешь в сад.

Сроднясь с его прохладой,
оживешь на несколько минут.
Что еще? А большего не надо,
только жаль, что птицы не поют.
Жаль, что ветви звякают уныло,
все вокруг качается слегка...
Зеленеет сад пустых бутылок
под беленым небом потолка.

* * *

Выпивать вечера стаканами —
устаканивать, если хошь.
Допоздна разговоры пьяные,
а общения ни на грош.
Через форточку холод с улицы
ощущеньем дурных вестей.
Кот на стуле зевает, щурится —
больше нет никаких гостей.

* * *

Окрестность растворяется в дожде,
и мокрый лай собачий над кварталом
мотается по ветру целый день...
Как много в этом осени! Как мало
любви и жизни. Ты меня прости
за то, что я твержу такие вещи.
Фонарный свет болтается в горсти
у Господа и бестолково блещет...

* * *

Гаснет свет, стираются черты
комнаты, переходя на «ты»
с неземным, неведомым, неточным,
трудно поддающимся уму.
Словно дождь, скользящий в полутьму,
на карнизах ставит многоточья.

* * *

Колоду листьев отрешенно
тасует осень.
В вагоне муторно и сонно.
Стучат колеса,
качаюсь и качусь навстречу
рассветной ржави
по бесшабашной, бесконечной
родной державе,
где черт заблудится и сгинет,
и бог не встретит —
на полустанках только иней
и только ветер,
кривые, пьяные домишки
в попутных селах,
и вечный Ленин, как мальчишка,
всегда веселый.
Я тоже памятью причастен
к стране, где не был.

А рельсы прямо и бесстрастно
уходят в небо.

* * *

Льются песни залиvistым плачем
над судьбой или целой страной.
И не хочется думать иначе.
Обжигающий ветер спиртной,
словно в шутку, сбивает дыханье
до бесстыдных непрошенных слез.
Вся Россия — одно расставанье,
потонувшее в гуле колес.

* * *

Чтобы ворваться без спроса,
музыка время найдет.
Взвизгивать будут колеса,
будет мычать идиот,
скверно играя немого,
мелочью грязной бренча,
что-то про бренность земного
и вековую печаль.
Лязг полумертвых трамваев,
птичий и бабий галдеж —
музыка эта живая —
в жизни живей не найдешь
для пиджаков и спецовок,
для площадей и трущоб.
Музыка вечна. Жаль, слово
не появилось еще.

* * *

Бушующий наш ураган
в стакане граненом не нов.
В России везет дуракам,
в России везут дураков,
тех — строить, а этих — ломать,
столетьями водится так.
И если все прахом опять —
виновен, конечно, дурак.

* * *

Снег над дворами кружит птицею.
Собаки брешут дотемна.
А в слове будничном «провинция»
горчит какая-то вина.
Невыразимо настоящая,
как будто боль самой земли.
И молча смотришь на блестящую
макушку церковки вдали.
Крестясь украдкой, спотыкаешься,
привычно поминаешь мать...
И объяснить себе пытаешься,
и слов не можешь подобрать.

* * *

Сколь веревочку ни верти,
а написано на судьбе:
неизбежен конец пути —
возвратишься назад, к себе.
Оттого и спешу встречать
проходящие поезда.
Собачонкой худой печаль
по перрону туда-сюда.
Где скучающие часы,
чемоданная толкотня —
я шепчу себе: блудный сын,
отыщи, отыщи меня...

* * *

Не умея сказать о простом,
о несбывшемся, о наболевшем,
сам порой сомневаешься в том,
что бывает спокойней и легче
на земле этой горько родной,
в городах, суетящихся в шуме, —
так похожи один на другой,
как похожи стихи на безумье.
В желтом доме сплошных октябрей
каждый день и спасенье, и гибель.
Вспоминай шум далеких морей
здесь, на суше, в молчании рыбьем.

* * *

Над городом темень глухая —
Господь, видно, съехал давно.
Отмеренный век протекает
в пути от пивной до пивной.
От дома, где ждут со слезами,
вовсеки не сыщешь ключи...
Неоновых вывесок пламя,
бухое бахвальство в ночи...

* * *

По прогнозу дожди и ни капли удачи —
не размазать по небу ее синеву.
Пусть синоптики врут. Пусть случится иначе.
Но уходим за дверь, и опять наяву
полузимний сезон. Бесконечные лужи,
как навязчивый кашель табачный с утра,
досаждают, но, знаешь, бывало и хуже.
Значит, лучше наступит. Наступит. Вчера.

* * *

Над неприкаянностью дня
затихло снежное рыданье,
и только катятся, звеня,
трамваи,
и жизнь идет, проста, насквозь
пронизана осенним солнцем.
А что до снега — улеглось.
Не бойся.
Не бойся, мальчик, на ветру
оставленный, блестеть слезами.
Ты не умрешь. Я не умру.
Бог с нами.

* * *

Снег, выпадающий начерно, —
зимняя проба пера.
Осень, до крохи растрочена,
сгинула в наших дворах.
Двину по ветреной улице,
вышвырну горе снежком.
Верить, что все образуется,
в эти моменты легко.
Точно ведь что-то изменится —
снег растворится в ночи...
Каждому в лучшее верится —
детская песня звучит...

* * *

Расплываются города контуры
серой кляксой на белом снегу.
От зимы этой, чистой до одури,
я сбежать никуда не смогу.
Ничего... Будет сердцу отдушина.
Память пусть зарастает быльем.
Замечает мотивом в наушниках
все, что было со мной до нее.

* * *

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...*

М.Ю. Лермонтов

Рассудок проясняя алкоголем
до снежной тошнотворной белизны,
я жизнью, знаешь, полностью доволен,
и дни мои никем не сочтены.
Белеет день, как пресловутый парус,
еще б туман — конечно голубой!
В такую зиму жить — сплошная радость!
А протрезветь так страшно, Боже мой...

* * *

Выхожу один я на дорогу...

М.Ю. Лермонтов

Я один выхожу на дорогу,
как в заученных старых стихах.
Добрести от порога к порогу,
надышаться морозом впотьямах.
Где-то сгинули сказки про счастье,
заметает следы белый снег...
Я с людьми ненавижу прощаться
потому что однажды — навек.

* * *

Февральский белый шум — холодный снег,
в котором одинокий человек
идет куда-то и картину портит.
Запорот кадр, зачеркнута строка,
но улица — просторна и легка —
летит со снегом и себя не помнит.
Сквозь белизну, разлитую кругом,
летит куда-то город целиком,
неся свои заборы и заботы.
А человек, дошедший до угла,
пропал, как жизнь, которая была
темна и чужда этому полету.

* * *

В больничном длинном коридоре
такой наводят марафет,
что, кажется, любое горе
готовятся свести на нет.
Прохладой будет полон воздух,
покоем — город за окном.
И жить — ни капельки не поздно,
а даже чересчур смешно.

* * *

Тянет мартовским талым теплом,
сине-солнечным, слякотно-сладким.
В опостылевшей снежной тетрадке
не отыщешь ни слова о том,
как чиста по утрам тишина,
наполняет нездешним покоем.
И ложится на сердце иное,
позабывтое чувство — весна...

* * *

Как блатные мелодии просятся
на слова неприметных дворов,
так весна оказалась вдруг по сердцу,
словно был я всю жизнь к ней готов.
Словно где-то в дали переулочной
перекрещены наши пути...
Что весна — одинокая дурочка.
Говорит, не могла не прийти.

* * *

Примеряю весну,
 как пальтишко с чужого плеча,
от тепла поотвык,
 словно гость в своем собственном доме.
Сколько солнца сокрыто
 в привычных давно мелочах —
трех дворняг у пруда покормить
 с огрубевшей ладони,
на согретой скамейке присесть —
 и нисколько не жаль
отошедшей зимы — это было давно
 и не с нами.
Наклонившись, сорвать
 и в неловких руках удержать
неба синюю тишь —
 ведь растет, не боясь, под ногами.

* * *

Запиши мне аккорды трамвайные,
научи подбирать их на слух,
чтоб мелодия, будто случайная,
появлялась из воздуха вдруг.
Чтобы мог я всю чародействовать,
удивляя горластых ворон
не дворовыми хриплыми песнями
и не плачем чужих похорон,
а стихами, чья светлая искренность —
им кривляться и врать не к лицу —
опровергнет банальную истину:
все на свете стремится к концу.
Все на свете когда-нибудь кончится —
бьет в мозг, как полуночный бред, —
только будет трамвайная звонница,
будет небо и будет рассвет.
И другой кто-то, встав очарованно,
суету городскую кляня,
дробь колес будет слушать взволнованно —
будет кто-то, такой же, как я.

* * *

День, надевая красную рубаху,
готовится сходить в сырую тьму.
Не выдавай сомнений или страха
здесь никому!
Жизнь — колесо и скрип его тележный
наружу рвется кашлем из груди.
А смерти нет. Воскреснешь неизбежно,
как ни крути.

Содержание

«Пока еще трамваи живы...»	3
«Хожу домой сквозь двор больничный...»	5
«Дождя музыкальные пальцы...»	6
«В переулках рабочей окраины...»	7
«Помню, в детстве, в моем замкадье...»	8
«По дворам, там, где скрипы качельные...»	9
«Никого в раздразе не виня...»	10
«В предзимье ночи тягостно пусты...»	11
«Дурная пора межсезонья...»	12
«Снег сир и сер, но небо в цвет ему...»	13
«А небо застелено белым бельем...»	14
«Остывая, смиряясь, взрослея...»	15
«В какие ни ткнешься ворота...»	16
«Выйдешь в сад. Сроднясь с его прохладой...»	17
«Выпивать вечера стаканами...»	18
«Окрестность растворяется в дожде...»	19
«Гаснет свет, стираются черты...»	20
«Колоду листьев отрешенно тасует осень...»	21

«Льются песни залиvistым плачем...»	22
«Чтобы ворваться без спроса...»	23
«Бушующий наш ураган...»	24
«Снег над дворами кружит птицею...»	25
«Сколь веревочку ни верти...»	26
«Не умея сказать о простом...»	27
«Над городом темень глухая...»	28
«По прогнозу дожди и ни капли удачи...»	29
«Над неприкаянностью дня...»	30
«Снег, выпадающий начерно...»	31
«Расплываются города контуры...»	32
«Рассудок проясняя алкоголем...»	33
«Я один выхожу на дорогу...»	34
«Февральский белый шум — холодный снег...»	35
«В больничном длинном коридоре...»	36
«Тянет мартовским талым теплом...»	37
«Как блатные мелодии просятся...»	38
«Примеряю весну, как пальтишко с чужого плеча...»	39
«Запиши мне аккорды трамвайные...»	40
«День, надевая красную рубаху...»	41

Александр Анатольевич Лошкарев
Аккорды трамвайные

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
На обложке рисунок Алексея Кирилова
Серийное оформление Сергея Ячменёва

Допечатная подготовка —
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 26.10.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство „Пресса“»:
Оренбург, ул. Кирова, 9,

Тираж 200 экз. Заказ №